

ПРИВАТИЗЕРША

Макс Менеджерам нового поколения посвящается
Нарышкин

**Недвижимость —
это то, вокруг чего
вращается всё**

Макс Нарышкин

Privatизерша

«ЭКСМО»

Нарышкин М.

Privatизерша / М. Нарышкин — «Эксмо»,

История этого молниеносного бизнеса началась с эпохи приватизации, когда семейной паре Артуру и Рите удалось выкупить текстильную фабрику. Рита стала владельцем фабрики, а чуть позже она закрепила свои юридические права рейдерством. Большие деньги предполагают большую кровь: защищая семейный бизнес, Артур начал жестоко расправляться с конкурентами и предателями. И не только с ними. Ближайший компаньон Морозов оказался негодяем, и Артур урезал его долю в совместной сделке. Обиженный коллега решил мстить. Какие-то негодяи захватили Риту в заложники и спрятали в особняке. Артур вместе со случайным знакомым Игорем штурмует особняк. Если бы Артур знал, кто этот самый «случайный знакомый», то вряд ли бы решился на такой отчаянный шаг...

© Нарышкин М.

© Эксмо

Содержание

Пролог	5
Глава 1	10
Глава 2	16
Глава 3	18
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Макс Нарышкин

Privatизерша

Пролог

При написании книги я заметил одну особенность: стоит только начать описывать какое-то реальное событие, как оно, обрастая несуществующими деталями и избавляясь от шелухи ненужных автору подробностей, постепенно принимает правильные формы. И на выходе рядовой случай вдруг заиграет, засверкает гранями своих форм, подобно вывернутому из стены, сияющему десятками ходов шурупу. И теперь эта история, выделяясь из сотен похожих, обращает на себя внимание. Я никогда не имею четкого плана написания новых вещей, я не знаю, когда произойдет тот самый толчок, который сподвигнет меня сесть за стол. Мой взгляд будет долго блуждать по ровной поверхности мебели в поисках нужной головки того самого шурупа, и ни я, ни мои близкие, ни даже сам господь бог не в состоянии знать заранее, какую из сотен я выберу. Я даже не берусь никогда определять, что это за толчок будет и какой силы. Меня толкает к столу каждый день по нескольку раз, однако я уже научился распознавать толчки правильные от пустяшных, бестолковых. Было время, едва появлялась дрожь внутри, я тотчас торопился за стол и начинал писать. Эта тяга к написанию начинающего писателя заканчивалась всегда одним и тем же: порчей настроения и уничтожением написанного. Утешая себя тем, что через это обязан пройти каждый автор, я немножко выпивал, успокаивался и отправлялся на поиски следующего шурупа. Выпиваю я и сейчас – привычка сохранилась, но теперь это уже не лекарство от депрессии, а барский жест понимающего толк в делах писателя.

Еще одна привычка – ношение в кармане блокнота с ручкой. Всякий раз, когда я чувствую появление интересной истории, я тотчас вынимаю блокнот и начинаю писать.

В один из дней в ресторанчике на Долгоруковской мы с приехавшим ко мне в гости из Германии Вадиком Морозовым тянули белое вино и, уже переговорив обо всех наших одноклассниках, болтали ни о чем. Он рассказывал мне о совершенно неинтересной мне ФРГ, я – о решительно ненужной ему Москве. И вот таким совершенно не располагающим к открытию новой для меня темы сцеплением фактов – от дешевизны аренды квартир в Берлине до стоимости бокала шампанского на презентации книг московских звезд, мы добрались до дорог. Как это получилось, не знаю. Наверное, где-то в разговоре между нами уже прозвучала одна из двух главных проблем Руси, и теперь, как русские люди, мы обязаны были очертить и вторую.

– У нас (говоря о Германии, он всегда не забывает добавить, что Германия – это у них) дороги покрывают асфальтом, смешанным с какой-то резиной, – сказал Вадим, пригубивая вино, – оттого сцепление с дорогой лучше.

– Видел, – ответил я, делая слабую попытку защитить родимый край. – Я видел, как эта смесь помогает вам в гололед. Неделю назад по ящику показывали стихийное бедствие в Потсдаме: минус двадцать. Все машины катились боком по резиновой супердороге и бились друг о друга, образуя автосвалку.

– Да, я знаю. Я как раз оказался в этом кошмаре.

Здесь нужно чуть отвлечься и обратить внимание читателя на два факта. Во-первых, автокорриды в Потсдаме я по ящику не видел. Я вообще не уверен, что за неделю до нашей с Вадиком встречи таковая в Потсдаме была. Я просто возразил тем, что первым пришло в голову. Когда мне говорят: «Германия», у меня в голове сразу возникает ассоциативный ряд: Потсдам, Берлин, телевышка, похожая на обращенный в сторону Западного Берлина фаллос, Рейхстаг – как место работы Юрия Визбора и Оберсдорф – как место проведения этапов кубка

мира по биатлону. Из этого ряда я выбрал наиболее подходящее – Потсдам, привел пример и возразил.

Во-вторых, в Германии не происходит ничего, чему бы Вадик Морозов не был свидетелем – как минимум и первопричиной – как максимум. Я не успел сказать, что машины бились в Потсдаме, как Вадик уже вспомнил об этом кошмаре. Я не возражал этому, ибо знаю своего друга с 1980 года – в этом году мы встретились в 5-м классе «Б» в средней школе номер 175. Я вообще много с кем там встретился, достаточно упомянуть лишь Влада Кускова и Дмитрия Гранникова, будущих (применительно к 80-му году) члена Союза художников России и заслуженного артиста России. Последние двое находились в терпимой и внешне незлобивой оппозиции к Вадиду, я же, уже в то время пропитавшийся бог весть откуда взявшейся хитростью, именуемой, как я потом узнал, дипломатической сноровкой, имел успех у двух сторон. Вадик выдумывал небылицы, и Гранников с Кусковым относились бы к этому, вероятно, с разумным смирением, как относятся люди мудрые к дождю или смерти, если бы Вадик не забывал всякий раз присовокупить к очередной небылице незначительную деталь: что был напрямую с нею связан. Связан он был преимущественно в качестве, как я уже говорил, первопричины или как минимум героя второго плана. Например, я помню это до сих пор, Вадик в пятом классе рассказывал всем, как подружился с неким майором. Все бы ничего, одного этого вполне хватило бы для споров, но Вадиду зачем-то понадобилось добавить, что майору шестнадцать лет и он учится в десятом классе школы, находящейся в другом районе. Гранников, который уже тогда испытывал тягу к театру, лихо изгалялся над подобного рода придумками, а Кусков рисовал оскорбительные шаржи на их автора.

В общем, Вадик любил тогда рисануться, а сейчас это невинное занятие переросло в новое качество. Он не просто дошел до той стадии мастерства привирания, когда вылетающие из его уст слова убивают незнающих всю глубину души Вадика наповал. В принципе, одного этого уже достаточно, чтобы сесть с ним за стол переговоров и подписать любой контракт. Но для настоящего мастера пустого звона мало. И Вадик набил руку в прикреплении к привираниям файлов такого бесспорного свойства, что даже я, человек хорошо его знающий, иногда задумываюсь над правдивостью их изложения. Задумываюсь, дабы в очередной раз опереться о мысль, что мне до сих пор известна только одна шумная история, где Вадик был замешан непосредственно – это перестрелка в офисе во время раздела прав собственности на один футбольный клуб. Но именно об этой истории Вадик почему-то не очень-то охотно рассказывает. Я так думаю, что там-то как раз все было правдой, а она Вадика не интересует. Все, что я знаю о том бое местного значения, до меня дошло из третьих уст.

Прошло много лет после школы. Двадцать. Я потерял связь со многими. Но, боже мой, как я рад тому, что в списке потерянных не значится Вадик Морозов! Этот человек первым, где бы ни находился, поздравляет меня с днем рождения, в суматохе дел, когда ему остается три часа до отлета в Берлин, он между последним недоделанным делом и визитом ко мне всегда выберет последнее. Он помнит памятные даты всех членов моей семьи, он любим в моем доме и долгожданен. Сумасшедшая жизнь сама расставляет приоритеты, и в качестве главного мерила ценности мужской дружбы всегда назначает время. Как бы кто из моих друзей ко мне ни относился, кем бы я ни был горячо любим, для установления не юридического, а справедливого факта истинной привязанности главным провокатором всегда является время – я повторяюсь, не боясь быть уличенным в неоригинальности. Прошло двадцать лет, и снова и снова, выпивая с Вадиком, я чувствую его дружеское расположение. Вот и сейчас, когда он сказал, что помнит кошмар в Потсдаме при температуре в минус двадцать, я пропускаю это мимо ушей. Ибо не это важно, а то, что он прилетел в Москву и первым нашел меня.

– А у тебя сейчас какая машина? – спрашиваю я мимоходом.

– «Мерседес» двести сороковой, – не моргнув отвечает он, и я киваю, зная наверняка, что водительских прав у него нет и он боится автомобилей.

В прошлый его приезд три месяца назад у него был «Мерседес» трехсотый. Он ни хрена не помнит из того, что мне говорит, поэтому и меняет тачки как перчатки.

Вадик первым из нас уехал из СССР работать. Он первым из нас взял Берлин. Он был первым из нас, кто организовал свою компанию. Мобильный телефон я впервые увидел в его руках. Синее кашемировое пальто с нагрудным кармашком и торчащим из этого кармашка сиреневым шелковым платочком – я тоже впервые увидел на нем. И это в эпоху кооперативного движения с присущими ей атрибутами: турецкими свитерами и раздутыми, как от водянки, пуховиками. Мне временами кажется, что, если бы господь лишил Вадика возможности врать, оставив ему только космическое предвидение, хватку бизнесмена, фантастическую память и невероятное человеческое обаяние, он превратил бы моего друга в обычного, ничем для меня не примечательного человека, каких я знаю десятки.

– Я однажды попал на своем «мерсе» в пробку, – говорит Вадик в продолжение темы, зная наверняка, что я знаю наверняка, что у него нет водительских прав и что если он может оказаться в пробке, то только в качестве пассажира такси, – и даже поспал за рулем. Два часа, представляешь? Два часа жизни в Берлине – это целая вечность.

– А что, в Германии наблюдаются пробки?

– Чем мы хуже других стран?

– Два часа, – с ехидцей повторяю я, вот уже двадцать лет играя роль доверчивого слушателя. – Ты в Москве, конечно, в такси ездешь?

– Зачем в такси. Когда спешу, приходится вертолет заказывать. Влетает в копейку, конечно, но что делать. Не в подземку же идти.

– Ты сейчас имел в виду Москву?

– Конечно, Москву. У меня даже телефон этой конторы есть, я могу посмотреть, если хочешь.

Вот ведь, как умные-то люди поступают – в вертолет садятся и летят над Тропаревским парком! Подогретый ркацители я впервые чувствую необходимость уличить его во лжи. Несуветной, наглой, бесцеремонной лжи. Даже при наличии на счету сорока миллионов евро и дома в Берлине Вадик не должен так лгать. Я понимаю, привычка юности, все дела, но Москва – это не тот город, в который попала Лилу из «Пятого элемента».

– «Ми-24», надо полагать, – провоцирую я его, – видел пару раз в Южном округе.

Если он сейчас попробует впереть, что летал над Златоглавой на вертолете-штурмовике по прозвищу «Крокодил», мне нужно будет с ним что-то делать.

Но Вадик, как и всегда, вышел с поля боя без единой царапины.

– Да я откуда знаю марку, я что, авиатор? Прилетел, сел на крышу «Президент-отеля», и мы полетели.

Я ни разу не был на крыше «Президент-отеля». Очень хочется убедиться, что там есть нарисованный круг с буквой «Т» посередине.

– А иначе нельзя, – продолжает он. – Я в этих пробках стоять не могу. У меня клаустрофобия. Попал один раз на Третьем кольце... Дверь не откроешь.

Он не совсем ясно понимает смысл диагноза «клаустрофобия», это очевидно. И тут я почувствовал легкий, едва ощутимый толчок.

– Это не клаустрофобия, Вадик, это вегето-сосудистая дистония. Хочется постоянно двигаться, и невозможно сидеть на месте. А вот что клаустрофобии касается... На моих глазах в морге два патологоанатома окоченевший труп бродяги в гроб три часа запикивали – вот это клаустрофобия у человека... Так что ты там о пробках?

Прислушиваясь к себе и позабыв о мести, я стал ждать второй толчок. Обычно не так много времени проходит между ними.

– У вас тут умирают в пробках, кино смотрят в пробках, я даже слышал от кого-то, что специальные экологические туалеты с собой возят. У меня знакомый во Франкфурте (до паде-

ния Берлинской стены он постоянно уточнял, что Франкфурт тот, что не на Одере, то есть социалистический, а на Майне, то есть западный), он специально для России толчки переносные для авто производит. Если хочешь, я тебе закажу. Да ты его знаешь – Карл Брюннер. Помнишь?

Я меняю тему и спрашиваю, кого из одноклассников он видел. Я говорю – «одноклассники», Вадик оперирует более коротким словообразованием – «однокашек». Мне это не нравится, потому что я сразу представляю кучу разбросанных на дороге и катающихся по ней какашек. После перечисления всех, кто попал ему на язык, он чувствует, что я немного раздражен, и тоже меняет тему.

– А ты по-прежнему пишешь? – спрашивает он, зная, что любой пыл можно остудить, если начать говорить о главном не для себя, а собеседника. – Не думал вернуться к хирургической практике?

– Мне сейчас куда удобнее лечить через бумагу. За меня никто не отвечает, и я ни за кого не отвечаю. Когда тебе почти сорок, – говорю я, – самое время начать новую жизнь. В этом возрасте Макс фон Штефаниц занялся выведением немецкой овчарки, а Кристиан Диор, так тот начал еще позже, – это мои любимые примеры, позволяющие объяснять многогранность моей натуры и прикрывать природное непостоянство. Обычно я их призываю на помощь, когда меня припирают к стенке. – Так что благословляю всех, кто поздно пробуждается к жизни, и того, кто растревожил мой сон.

– Ты подумай насчет Карла Брюннера, – напоминает мне Морозов, – с вашими дорогами он тебе – первый друг. – Видя, что я никак не реагирую на это, он искренне (да, черт возьми, искренне!) возмущается: – Да неужто ты не слышал о нем?!

С чего я должен слышать о каком-то Карле, черт его побери, Брюннере? Имя, если честно, знакомое, и я просто удивляюсь, как Вадик не упомянул Эриха Ремарка. Кажется, он из того же списка знакомых имен.

Но мне безразличны стали и Брюннер, и Ремарк. Второй толчок оказался куда сильнее первого.

Через час мы должны были прощаться, я выждал этот срок, проводил Вадика в Шереметьево, получил от него эсэмэску: «Пять минут, полет нормальный», и поехал домой.

Уже по дороге сообразил: Карл Брюннер – это Карл Брюллов. Сукин сын Морозов...

Это чувство сродни предвкушению оргазма. Вот-вот произойдет что-то, что вывернет твою душу наизнанку, перевернет мир и вырвет из груди сердце. Предвкушение – оно всегда сильнее оргазма, ибо предвкушение обещает восхождение, а оргазм – спуск. Каждый раз, когда овладеваю новой темой, я испытываю ощущения, схожие с близостью с женщиной. Она еще одета, еще не дрожит в моих руках, она еще мне не подвластна, но мое воображение уже рисует невероятной красоты сюжет: она обнажена, податлива и дышит страстью. Она хочет только меня, потому что это я первый обратил внимание на ее достоинства, презрев недостатки.

Обратный отсчет начался. Передо мной еще чистый экран, но скоро он заполнится фразами. В моем воображении где-то между строк капнет кровь, что-то запачкается грязной рукой, одну из страниц наискось перечеркнет след протектора, но на выходе, стерев все лишнее и чуть добавив недостающего, я получу готовую историю. Вадик мне, конечно, друг, но истина куда дороже. И потому я уверенной рукой напишу:

«Пусть не обижаются на автора те, чьи имена совпали с именами главных героев и персонажей. Все выпитое спиртное по-прежнему стоит на прилавках магазинов, все познавшие любовь женщины до сих пор ее ищут, в общем, нет смысла придирается к автору, поскольку все, что описано в этом романе, – плоды его фантазии».

Единственное, что существует на самом деле, – московские пробки. Большой город. Оказавшись в нем, люди проживают свою, а порой и чужую жизнь.

Я рад, что почувствовал новую встречу. И не буду торопиться, потому что предвкушение оргазма куда слаще самого оргазма.

Оставляю это на потом, потому что сейчас мне нужно доделать одно маленькое, но важное дело...

Глава 1

Как часто случается в бизнесе, начали они вдвоем. Особенность этого союза заключалась в его лирической составляющей, которая при трезвом и расчетливом взгляде на вещи преобладала над расчетом. Кирпичи практического содержания их проекта скреплялись цементом чувства, которое в обычной жизни называется любовью. Она, любовь, пришла необычайно быстро. Еще в институте, на первом курсе экономического вуза, они решили быть вместе и навсегда. Все получилось неожиданно. Артур Чуев после очередной лекции торопился на квартиру, где его ожидала сварливая домохозяйка. За жилье было задолжено что-то около ста рублей, и эту сумму нужно было внести в старческий чулок не позже восемнадцати часов. Этот срок был установлен хозяйкой квартиры и, по словам ее, за деньгами она придет не одна, а с новыми жильцами. В 18.01 те должны были либо с унылым видом снова оказаться на улице, либо на улице должен был оказаться Артур.

Сто рублей были получены на почте еще утром, ровно через трое суток после Артуровой телеграммы, направленной родителям в Рязань. Текст телеграммы не оставлял сомнений в серьезности капиталовложения: «Сторублируйте». На объяснения, равно как и на слова благодарности, средств не хватило. Уловив новые экономические обороты речи отправившегося покорять столицу сына, родители прониклись тревогой и выслали 150 рублей. Именно по этой причине объявление фамилии Чуева как зачисленного в вуз повлекло двойной восторг.

Выпив, как и полагается, немного вермута с будущими одногруппниками, количественный и качественный состав которых был установлен тут же, Артур засобирался в Марьино. Там его поджидала старая карга, страдающая потерей памяти и имеющая обыкновение приводить в качестве угрозы своего племянника с женой, имеющих квартиру в Сокольниках. Этой парочке было неловко раз в месяц играть роль потенциальных квартиросъемщиков, и во время каждого привода старухой они смущенно смотрели в пол и бормотали: «Да, конечно, мы готовы въехать прямо сейчас». Артур уже знал, что карга отписала им квартиру, а поскольку человек она такой, что в случае припадка ярости она могла в последний момент изменить завещание и отписать квартиру, к примеру, артисту Видову, в которого была по-маньячьи тупо влюблена, эти двое постоянно приходили и играли роли дураков.

Договорившись встретиться завтрашним утром для продолжения знакомства, группа Э-121 растворилась в Москве, и Артур остался один на один с девушкой, которую только сейчас заметил. Оказывается, она тоже прошла по конкурсу, и, оказывается, она тоже была на грани бродяжничества. Общежитие всем нуждающимся обещали по окончании каникул, но ведь эти тридцать дней нужно было-таки где-то жить.

– Простите, вам совершенно некуда идти? – поинтересовался Артур, уже чувствуя, что углубляется в тему, которая может оказаться ему не по силам.

На дворе стоял 1984 год. Еще не прозвучала огнедышащая страстью фраза ударницы соцтруда по телемосту с Нью-Йорком: «У нас в СССР секса нет». Слово «минет» еще не звучало в подъездах чаще, чем слово «минтай» в гастрономах. Пить пиво на ходу и заниматься фроттингом в метро еще было не принято, но этот вопрос прозвучал настолько же актуально, насколько актуален он в Москве до сих пор.

– У меня есть тетья в Обнинске, – обронила девушка и чуть порозовела. Видимо, представила, насколько глупо ее решение прямо сейчас ехать в Обнинск.

– А у меня дядя в Калининe, – признался Артур, уже понимая, что девушку придется взять с собой. В конце концов, нехорошо начинать общение с будущей одногруппницей с пренебрежительного отношения к ее проблемам. – Знаете, у меня есть предложение. Мне нужно срочно встретиться в Марьино с одной забавной старушкой. Вы сами убедитесь в том, что она

забавна. Если вы не против составить мне компанию, мы могли бы туда прокатиться. Ну а после что-нибудь придумаем.

– Дай вам бог много радостей за ту огромную, что вы доставили мне только что, – ответила она и подняла чемодан.

Не уловив иронии, Артур подумал, что, быть может, совершил огромную ошибку. И что не возникнет ли проблемы с этой девочкой, ибо если она так выражает свои мысли сейчас, то совершенно неизвестно, чего от нее ожидать потом.

Но потом он поблагодарил себя за отзывчивость и уже в метро оказался сражен ее знаниями. Он только не понимал, откуда она их черпает. Пришлось присмотреться. Держась за поручень, рядом с ним покачивалась в ритм движения вагона девушка среднего роста, с собранными в аккуратный хвостик каштановыми волосами, и глаза ее, зеленоватые, хищно оглядывали пространство вокруг себя. Казалось, ее интересует все и она готова отдать многое, чтобы найти объяснение самым незначительным явлениям. Отчего в метро читают, почему по утрам поливают и без того безупречные улицы, не упадет ли Останкинская башня, если случится ураган, как в Америке. Артур смотрел на ее шевелящиеся губы и не слышал и половины из того, что она говорила. Лишь где-то между «Текстильщиками» и «Ждановской» он наконец-то расслышал, что говорит-то она о Москве:

"...*Москва* повелось от «мокса» – «спасение» на праязыке! Затем в этом слове по закону языка произошла перестановка *к* и *с*, так называемая метатеза: как в словах «ведмедь» и «медведь», «длань – долонь – ладонь». И в силу этого закона метатезы из «мокса» вышло – «моска», то есть Москва».

И он смотрел на нее, и ему казалось, что он знает ее не полчаса, а пару лет как минимум.

В квартире все шло по старому сценарию. С той лишь разницей, что родственники старухи выглядели уже совсем ни к черту. Они готовы были провалиться сквозь землю из-за альцгеймеровых выходов тетушки, но желание оказаться хозяевами квартирки в Марьино перебивало чувство меры. Артуру казалось, что если бы карга потребовала, то они для вящей правдоподобности ездили бы сюда со своим диваном.

Когда коллектив мошенников удалился, Артур вдруг захлопал ресницами и взъерошил свои и без того находящиеся в полном беспорядке соломенные волосы.

– Послушай, – сказал он, – если ты не против...

– Нет, я не против, – тихо и уже без иронии перебила она. – Я совсем не против, если ты хочешь предложить мне остаться.

Сердце его забилося, и в беспорядок теперь пришли мысли.

– Ты не подумай, я постелю себе на полу, и я не...

– Я тотчас уйду, если ты попробуешь сделать это. И уж конечно, ты предложишь мне место на диване.

Он не нашелся, что возразить. Он просто не знал, что обычно мужчины, коим он себя уже начал понемногу чувствовать, говорят в таких ситуациях. Тогда, двадцать три года назад, он был подвижен, как ртуть, покинувшая градусник, но в тот момент в квартире в Марьино, он впервые почувствовал себя куском эбонита.

У него было пятьдесят рублей. Все, что у него было, это пятьдесят рублей. Он сказал ей об этом и предложил выйти с этими сумасшедшими деньгами в Москву.

– А ты не думаешь, что нам в будущем нужно будет что-то есть?

Этот вопрос вернул его из Оружейной палаты, куда он с ней уже добрался, в Марьино. За время жизни в столице он познал много девушек. И каждая из них с радостью согласилась бы просадить любую у него находящуюся сумму прямо сейчас. Благо возможностей потратить ее было множество. В эту комнату они вернулись бы с портвейном, и морем воспоминаний, которое утром бы схлынуло без остатка, оставив на память лишь две сухие, хоть выжимай, бутылки.

– Я не подумал об этом, – сказал Артур, только сейчас подумав о том, что, пригласив Риту в свою обитель, совершил жест доброй воли немного не той направленности, какой планировал изначально. – Действительно, глупо сказал... Без еды мы тут...

Он хотел закончить так же бессмысленно, как и начал – «загнемся», но вовремя спохватился.

Весь день они провели в городе. Поход по нескольким музеям вымотал Артура совершенно. Он шел под руку с Ритой, без устали щебетавшей о каком-то алмазе «Кохинор», вправленном в корону королевы Елизаветы, и сомневался в том, что присутствует в реальности. Еще утром он был свободен как ветер, а сейчас, словно вагон, катится по заранее проложенным под ним рельсам. Станным было то, что эта езда его не напрягала. Напротив, он прислушивался к себе, и ему казалось, что рано утром, когда он собирался в институт, к нему на перила балкона присел ангел. Посмотрел, как живет его подопечный, а после придумал толковый ход – свел с девушкой, на которую за все время сдачи вступительных экзаменов Артур ни разу не обратил внимания. Он вообще не подозревал о ее существовании. Как о будущем футболисте итальянской футбольной лиги «А» Инзаги. Тот тоже уже был, но Артур о нем не знал. Потом им овладевали темные мысли, и Артуру начинало казаться, что это не ангел вовсе присел к нему на балкон перед рассветом, а кто-то другой... В общем, гуляя с Ритой по городу, Артур не помнил ничего из того, что видел, и не слышал ничего из того, что говорила она. Все происходило невесомо, неощутимо, словно в дымке, но все-таки это происходило – Рита была, и она была с ним.

Изо всех сил борясь с мыслями о вечере, он особенно противостоял мыслям о ночи. До сегодняшнего дня все было довольно просто: выбирался денек, когда старая карга отправлялась к родственникам, которых у нее было великое множество (оттого все понятней уничижительное смущение племянника с женой в роли кандидатов на въезд в квартиру), и в эти три-четыре часа Артур ловко укладывался в выпивку, прелюдии (тогда это слово было не совсем ясно, поскольку никто не брал за труд дать ему определение) и насыщенный чувствами секс. Через четверть часа после его завершения девочка покидала стены квартиры, которая, как думалось бабке, оставалась непопороченной уже почти семьдесят лет, и никогда в нее уже не возвращалась. Еще ни одна из приглашаемых фигур на ночь не оставалась, равно как ни одна из приглашенных не уходила из квартиры неудовлетворенной. Перед Артуром стояла двуликая, равновеликая по невозможности осуществления задача. Ему нужно было убедить старуху оставить Риту на ночь, что само по себе выглядело идеей сродни полету в космос, и осознать факт проведения ночи с девушкой в одной комнате без близости с нею. Одна проблема выглядела не краше другой, и, не успев прошагать по брусчатке Красной площади ста шагов, он решил, что поутру его посетил все-таки бес. Но едва он почувствовал на локте тепло Ритиной ладони, как ему почудился лик ангела.

Очнулся Артур только в Марьине, когда Рита нажала на кнопку звонка. Артур знал, как карга ненавидит отрываться от телевизора и идти в прихожую, когда он забывал ключ, поэтому пришел в чувство сразу. Ключ лежал в кармане, он хотел достать, но не смог, потому что только сейчас обнаружил в правой своей руке коробку с пельменями, а в левой – литровую бутылку молока.

Старуха взъерепенилась прямо с порога. Она заявила, что прожила в этой квартире семьдесят семь лет, никогда здесь блядского дома не было, и на закате жизни у нее нет желания ломать эту традицию.

Оттеснив ее в глубь прихожей, к величайшему изумлению Артура, который уже видел себя с пельменями на улице, Рита вошла и довольно невозмутимо произнесла:

– Ну, блядь я или не блядь, это вопрос спорный. Однако у меня нет желания устраивать диспут на эту тему. Я устала и хочу есть. И заботься вы о будущем, а не о прошлом, то смогли бы

подсчитать, что пятьдесят рублей с одного человека в одной комнате куда меньше семидесяти пяти за двоих в той же комнате на тех же условиях.

Закончив эту речь, она вошла в комнату Артура и закрыла за собой дверь. Ей, видимо, нужно было переодеться, а делать это на глазах старухи и молодого человека она не представляла для себя возможным.

Выйдя из комы, карга ринулась к двери, и Артур увидел Риту посреди своей комнаты уже без юбки, в трусиках и блузке.

– Это почему за двоих семьдесят пять, когда за одного сто?

«Действительно», – подумал он.

– Потому что сто рублей за комнату платят на Петровке, а не на Поречной! – заявила Рита и с грохотом захлопнула дверь, не достав до крючковатого баронесского носа хозяйки около сантиметра.

– Вот сучка, – змеиным шепотом сказала она и посмотрела на Артура в поисках поддержки.

– Вы знаете, мне кажется, что сто рублей в Марьино... за двоих... это действительно многовато... нет?

– К пятому дню чтоб за квартиру было уплотнено! – прогромычала в косяк старуха и отправилась в свои покои, состоящие из трех отдельных комнат.

Так Рита оказалась у Артура.

Ночью, глядя на звезды, усыпавшие покрывало ночи над Марьино, он думал о том, как хорошо от Риты пахло. Он не расслышал и трети того, что она говорила днем, но запах, струящийся от нее, запах мяты и чистого тела, не отпускал его ни на минуту. Вот и сейчас, когда в комнате висела тугая, хоть режь ножом, тишина, он чувствовал аромат, уже прижившийся в его до недавнего времени одиноком и пустом уголке жизни, и пытался догадаться, о чем думает она.

Любезно предоставленные старухой матрас и подушка – а выданы они были сразу и с удовольствием, ибо в этом разделении полов она видела гарантию моральной чистоты, царившей в этой огромной квартире, – он лежал, закинув руки за голову, и отгонял от себя «мужские» мысли. Они жадно проникали в него, властвуя безраздельно, и он уже не в силах был справиться с ними, думая о том, что будет завтра. Завтра они снова будут вместе. Послезавтра – он этого хотел – тоже, а потом наступит послепослезавтра. Где логика?

Он вдруг пришел в ужас. Артура неожиданно посетила мысль о том, что Рита решила им воспользоваться просто как удобным способом для проживания в Москве.

Напрягающие его мысли о соитии вдруг отошли, как отходит море перед цунами, и сердце зазвенело от возникшего в нем вакуума. Вот, значит, как... Это было похоже на правильный ответ. У беды глаза зеленые. Это была беда. Самая настоящая. Вооруженная коробкой с пельменями, обученная правилам торга и знаниям доисторического происхождения слова «Москва». Уже не боясь быть обнаруженным с выпирающим в лунном свете холмом посреди одеяла, Артур закинул руки за голову и криво улыбнулся.

И вдруг услышал приглушенный смех.

– А она и правда забавная.

– Что?.. – сипло спросил он.

– Старушка твоя, ты прав, забавная. И вовсе не карга.

Он угрюмо свистнул носом и отвернулся к стоящим прямо перед его носом ножкам стула.

– Артур...

– Что?

– Я всю дорогу болтала как сумасшедшая... Что попало собирала... Надеюсь, ты меня невнимательно слушал... Да?

Он промолчал, но в темноте вспыхнули и уже не угасали сияющие голубым лунным светом белки глаз.

– Я боялась... я весь день боялась, что вечером... В общем, что ты окажешься таким же банальным, как и все.

У Артура дрогнули брови, и он облизал губы.

– Ты, видимо, что-то конкретное имеешь в виду?

– Ты знаешь, что я имею в виду.

– Ты боялась, что я возьму тебя силой?

– Сама была бы виновата. Я знала, куда еду и зачем. Ты меня хотя и приглашал не жить, а переночевать, но мне не стоило труда предположить, чем это может закончиться. Но мои опасения оказались... Словом, ты хороший человек.

Артур пожевал губами. Он, конечно, дурак, что пригласил ее. Ему тоже стоило принять во внимание, о чем ему будет думаться в метре от нагого девичьего тела. На близость он не рассчитывал тогда и не пошел бы на это сейчас. Хотя бы потому, чтобы не выглядеть сволочью – пригласил бездомную девчонку и тут же разложил ее, требуя плату за постой. Но лучше бы она его за это не хвалила. Все должно выглядеть естественно, а похвала такого порядка молодой мужской разум оскорбляет и требует сатисфакции.

– А почему ты думаешь, что эта опасность для тебя миновала? Я не гоню коней, потому что старуха очень чуткая. Я вот сейчас дождусь, когда снотворное начнет действовать, и...

– Какое снотворное?..

– Я ей в чай димедрола насыпал. Помнишь, в душ ходил?

В наступившей мертвой тишине он довольно обнажил здоровые зубы. Жаль, она их не видит через затылок.

Чтобы уснуть, он принялся мысленно прочитывать:

Все страсти, все любви мои возьми —
От этого приобретешь ты мало.
Все, что любовью названо людьми,
И без того тебе принадлежало.
Тебе, мой друг, не ставлю я в вину,
Что ты владеешь тем, чем я владею.
Нет, я в одном тебя лишь упрекну,
Что пренебрег любовью ты моею.
Ты нищего лишил сумы.
Но я простил пленительного вора...
Любви обиды переносим мы
Трудней, чем яд открытого раздора...

– Что ты сказала?! – от неожиданности он поднял над убогой подушкой голову.

– Иди ко мне...

Он сел на полу, почувствовав, как пересохла губы.

– Иди ко мне. Господи боже, мы же любим друг друга...

Как нелепо, как наивно и смешно выглядят эти слова сейчас, спустя двадцать три года. Вправе ли произносить их те, кто знает друг друга сутки? Да – правильный ответ, если им по семнадцать. Да – правильный ответ, если, не успев переболеть влюбленностью, уже заболели настоящими чувствами...

Он любил ее в ту ночь страстно, не оставляя в покое ни на минуту. Он словно собирался выжать себя досуха, оставив миру только дряблую, немощную, ни на что уже не пригодную плоть.

Они занимался с ней любовью сначала на полу, потом на подоконнике, рискуя выдавить ее спиной стекло и не обращая внимания на нескольких зевак, столпившихся четырьмя этажами ниже в беседке, чтобы попеть под гитару. Они кричали что-то и дико танцевали, глядя на этот сумасшедший праздник сплетения двух тел. Но они не слышали их, сливаясь друг с другом...

Она уже не могла говорить, ее глаза закатывались в глубоком обмороке, но никто не был в силах остановить их танец жизни.

Уже под утро, когда рассвет стал стирать с окна синьку, они посмотрели друг на друга в полной беспомощности. Вряд ли каждый из них помнил хотя бы мгновение из того, что происходило с ними всю ночь. Все, что помнил Артур, – это дурманящий запах ее тела, упругая плоть ее, нетронутая прошлым, горячее дыхание и не проходящее желание входить в нее снова и снова.

Никогда ему не понять, что происходило в ее душе. Никогда не узнать, что помнила она. Он видел лишь ее зеленые глаза, полные сумасшедшей, обреченной на постоянство любви, глаза, до краев заполненные слезами задыхающейся от чувств души.

«Это был все-таки ангел», – подумал Артур.

И он будет благодарить его все двадцать три года, что признавался своей жене в любви. И казалось ему, что любви этой ничто не сможет угрожать. Ибо нет ничего на свете, что было бы этой его любви могущественнее.

Глава 2

К началу 1990-го карга совсем ополоумела. Кажется, она собралась пережить еще одну революцию. Потягивая старым баронесским носом воздух улиц, она чувствовала ее приближение и не собиралась на тот свет до тех пор, пока своими глазами не увидит крушение системы, в одночасье сделавшей ее, дочку барона фон Штрауке, банальной мешчанкой. О своих младых годах и зрелости она не распространялась, племянника, сына своего младшего брата, инженера связи, ненавидела, казалось, она ненавидела весь мир. И потому ждала его гибели. Уходить на тот свет вместе с ним она не собиралась, уходить до него – тоже. Ей нужно было хотя бы часок-другой порадоваться тому, как все сдохло, а она выжила. Вот потом можно и собираться в последний путь.

Однажды этими мыслями она поделилась с Ритой. В последнее время они как-то фантастически близко сошлись. Их «пельменная» ссора продолжалась всего неделю. После склоки Рита ничего не просила, не заискивала, и старуха прониклась к этому ее поведению доверием. То ли старая змея увидела себя раннюю в этой девочке, то ли наконец-то увидела человека, который не думал о захвате ее квартиры в Марьине. Прошло шесть лет, Рита и Артур дважды пытались съехать, подыскав квартиры поближе к центру – так и до работы было добираться удобнее, и площадь жилья позволяла развернуться. Но старуха сдурела и предложила им вторую комнату, самую большую в своих владениях. При этом комната эта была смежной с их старой и преимущества были налицо. При этом она сообщила, что не собирается дополнительно требовать плату за проживание. Это Артура устроило, и они остались. То ли в благодарность за долгое совместное проживание, то ли из каких других соображений Рита стала захаживать к карге и радовать то платочком, то вкусностями, то просто болтовней. Артур уже позабыл, как выглядит племянник под прикрытием, и все бы ничего, но в начале апреля 1990 года, так и не дождавшись революционных преобразований, бабка отдала концы.

Родственники стали прибывать в квартиру усопшей где-то через полчаса после кончины. Кто их уведомлял о горе, было совершенно непонятно, ибо старуха позвонить перед своей смертью не могла, а Артур с Ритой этого не делали. Родственники прибывали и после похорон. Они набились в четырехкомнатную квартиру баронессы, как шпроты. Все держались утонченно-плаксиво, как держит себя на сцене плохой трагик в день дебюта. Квартира была заполнена скорбью, еще не выветрившимся запахом батюшкиного кадила и перезвоном фамильного серебра, приготавливаемого к трапезе. Земля сдала – небо приняло. Но по комнатам и ее просторным коридорам носились шепотки не небесного, а вполне земного происхождения. Они, казалось, ползали по стенам, проникали за плинтус и застревали меж стен и потрескавшихся, не менявшихся с 1970 года обоев.

«Такая хорошая старушка была. Вот помню, под Святки...»

«Вы давно из Магадана? Это правда, что там золото копейки стоит?»

«Сколько ни зазывали, так в гости и не приехала...»

«Конечно, бабушке семьдесят, а она в Хабаровск поедет».

«Мы не из Хабаровска, из Нагинска...»

«Разве семьдесят?.. Не больше?»

«Что-то около восьмидесяти».

«А вы кем ей приходились?..»

В общем, родственников было много. Потомки славного рода Штрауке, носящие ныне фамилии Косых, Толстопятовы, Миклушевы, Хорьковы и Забираловы, съехали в Москву со всех просторов необъятного Советского Союза, своим движением начертив схему нынешней сети магазинов «Эльдорадо». Ни Артур, ни Рита ни одного из них за шесть лет жизни в Марьине не видели, и ни об одном из них не слышали из уст старухи.

Обед закончился превратившейся в фарс трагедией. Усевшись за огромным, не сожженным в начале века большевиками столом для поминальной трапезы, огромная семья с нетерпением ожидала прибытия адвоката, несущего от нотариуса новости о разделе имущества. Покончив с кутьей, Артур с Ритой собирались убраться в свою комнату, но прибывший ко всеобщему волнению стряпчий попросил всех впускать и никого не выпускать. Через пять минут ложки с рисом стали падать на блюдо, отбивая похоронный марш № 3. Новыми хозяевами квартиры восемь дома двадцать четыре по улице Поречной стали Артур и Маргарита Чуевы.

Еще не понимая, что произошло, гости стали спрашивать адвоката, а что, собственно, с разделом. То есть, что несравненная Клавдия Оттовна благоволила передать каждому из родных ей по крови людей. То есть наследство-то как делиться будет. Адвокату пришлось повторить то, что он сказал минутой ранее.

Артур сидел белый, как приготовленное к работе полотно Кандинского, язык его распух во рту, и он, великолепнейший экономист, быстро прокручивал в голове данные, которые позволили старой карге отдать квартиру и все в ней находящееся им, а не зловонной своре наконец-то дождавшихся смерти старухи кровников. Он вспоминал теплые и холодные вечера, когда Рита оставляла его одного, уходя к хозяйке то с тарелкой пирожков, то посмотреть телевизор, то просто пожаловаться и поплакать бабке в шушун. От баронессы она возвращалась совершенно спокойной и уверенной в себе молодой женщиной. И вот теперь все становилось на свои места. Променады в соседние комнаты закончились вполне логично. Пока за столом царил отвратительная тишина, Артур вспомнил случай, который однажды произошел в благочестивой семье одного порядочного еврея.

Жил-был старик, вот так же, как незабвенная Клавдия Оттовна, тяготился одиночеством при батальоне родственников, на календаре отмечавших каждый прожитый им день, и когда пришла пора помирать, он собрал всех и сказал:

«Свою квартиру, машину, немножко золота и чуть-чуть серебра я хочу отдать вам, мои родные. И, чтобы не обидеть никого своим решением, я передаю вам это все здесь и сейчас, дабы вы могли разделить все по совести и справедливости сами. Ухожу я от вас, храня в сердце память о любви вашей и заботе. И я готов выполнить последнюю волю свою лишь при одном условии. Господь наш, Иисус Христос, принял на чело венец терновый. И я хочу так же, как и Он, уйти в муках за грехи ваши. Но уподобляться Ему не могу, ибо грешен, да и венца нет. А посему сейчас, за минуту до смерти, хочу, чтобы вы раздели меня донага, положили на живот и в задний проход вставили кактус, коих в моей, то есть в вашей, квартире в изобилии».

Как только последняя воля умирающего была в точности с просьбой его выполнена, в двери и окна ввалились огромные мужики в масках и с надписью на спинах «СОБР». И старший из них, оценив обстановку, воскликнул: «А прав был информатор! Это здесь у старого еврея вымогали имущество!»

Абсолютно спокойной в наступившем хаосе выглядела одна Рита. Она невинно смотрела в стол, и щеки ее розовели.

Повернувшись к немеющему от восторга Артуру, она негромко, но доступно для чужих ушей сказала:

– Я хочу заняться с тобой любовью.

Это была первая триумфальная сделка, которая была прокручена ими не вместе.

Глава 3

К началу 1993 года река застоя тронулась. С треском, с вдохновением.

Артур Чуев за три года из способного, но малозаметного менеджера вырос до начальника отдела внешнеэкономических связей крупнейшего в Москве «Инкомрос-банка». Рита по-прежнему работала экономистом на текстильном комбинате, и оба они чувствовали, что наступил момент, упустив который уже невозможно будет наверстать упущенное. Это было время, когда подателя объявления «Меняю однокомнатную + ваучер на двухкомнатную» за идиота еще не держали.

Под Новый 1991 год в банке началось шевеление. Эти движения постепенно переросли в хоррорные явления и вскоре приобрели монструозные колебания. Чубайс (а кто это такой, Чубайс?) разработал программу приватизации госсобственности (а что это такое?), и первым ее этапом стала народная приватизация (какая?). Артур пытался найти вопросы на эти ответы, попутно соображая, что происходит вообще. Поначалу все казалось бредом, ибо само понятие «приватизация госсобственности» спустя год после привычного уклада жизни ощущалось эфемерно и осязалось воровато. Но в конце лета 1992-го Ельцин подписал указ, который заставил Артура действовать быстро и решительно. Будучи вхож в высшие круги управления «Инкомроса», он получал информацию из первых рук. И даже становился ее обладателем раньше, чем она доходила до глав регионов. О том, что с первого октября каждый гражданин России сможет получить ваучер для приобретения доли в приватизируемом предприятии, он узнал за неделю до подписания Ельциным указа.

Его волновало только одно: будет ваучер именованным, то есть прахом рухнут все его надежды, или же он выступит в роли чека на предъявителя. Все остальное он обещал себе и Рите просчитать после – это было уже не так важно. Артура заботило только одно: именной – или нет.

Первого октября он понял, что судьба дала ему в руки шанс, упустить который глупо... Контролируемый консультантами из США Чубайс и его команда предъявили стране пустой фантик без имени владельца, обещая за него две «Волги»...

И река пошла.

«Ептваемать, – восхищался президент „Инкомроса“ Лещенко, – это гениально! Но я вот вам что скажу: через год мы или окажемся в заднице, или будем управлять этой страной. Но как это гениально!.. Сколько народу в стране? 148 миллионов! Получи в сберкассе ваучер за двадцать пять рублей и жди „Волги“! Прозрите, слепцы! Эти Чубайсы, Кохи и Васильченки помогают ЕБНу создать будущих руководителей страны, а чтобы и рыбу съесть и сесть куда хочется, они еще и выкачают из тупоголовых будущих миллиардеров три миллиарда семьсот миллионов рублей! – если я, президент банка, считать правильно умею!..»

Лещенко еще никто не видел в таком возбуждении, но Артур уже знал в чем дело. Анатолий Максимович Лещенко, гениальный стратег и любитель саун с голыми девочками, организовал на имя жены крошечное ООО, которое уже приступило к скупке у населения приватизационных чеков.

Стараясь не упускать ситуацию из рук, Артур быстро оценивал текущую ситуацию. Находясь в банке и получая сведения о реальном положении дел на реальном предприятии – руководящие круги текстильного комбината были доступны Рите так же, как Артуру управление банка, – он производил расчеты своих будущих шагов. В 1991 году балансовая стоимость производственных фондов страны была оценена в сумму в один триллион триста миллиардов рублей. Совковая сметка Чубайса позволила ему эту сумму разделить на численность населения России и округлить в большую сторону до 10 тысяч рублей.

«Карамба!» – не выдержал Артур, не чуравшийся грязных ругательств лишь на малопопулярном в банке испанском языке. Именно в эту сумму правительство определило долю собственности каждого гражданина. Каждому из олухов – жителей новой трехцветной страны ЕБН с солнцеголовым Чубайсом выдали на руки право пользования госсобственностью, равной половине стоимости «Жигулей». Это как если бы пустить темной ночью в переулочек полтора миллиона инженеров, зная, что их там поджидает парочка отморожков. Чубайсом предполагалось и Ельцину верилось, что на фантики купленные населением акции будут увеличиваться в цене. Это обстоятельство и позволило Чубайсу неосторожно заявить летом 1992 года, что каждый гражданин России сможет получить свою долю собственности, которая к концу года будет равна по стоимости двум автомобилям «Волга».

В сентябре 1992 года Артур впервые рискнул по-крупному. Сказавшись больным, он выпросил у Лещенко три дня отдыха. Предполагалась неделя, но президент заерепенился и сказал, что дело прошлое, что сейчас об этом как-то глупо и неудобно говорить задним числом, но сукой ему, однако, быть, если он врет: ему кажется, что господин Чуев занимается в банке немного не своими прямыми обязанностями. Артур дал задний ход и согласился на три дня. Собственно, хорошо, что так получилось, поскольку теперь ему было известно, что организация им собственного предприятия по приобретению ваучеров не так уж хорошо законспирирована. В первый же день «больничного» он вылетел в Питер. По сведениям, полученным Ритой в директорате комбината, приватизационными аукционами там заведовал некий Томилин.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.